

УДК 82-3Прилепин.06
ББК 83.3(2Рос=Рус)1-8Прилепин 3.

Т.Е. Сорокина

**СТАНОВЛЕНИЕ
СОВРЕМЕННОГО ГЕРОЯ
В ПРОСТРАНСТВЕ
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ИСТОРИОСОФИИ
ЗАХАРА ПРИЛЕПИНА**

Статья посвящена исследованию художественной историософии в прозе Захара Прилепина (особое внимание уделяется роману «Санька»), в пространстве которой ключевое место занимает герой с активной жизненной позицией.

Ключевые слова: *художественная историософия, проблема современного героя, поэтика мировоззренческого диалога, историософия поступка, патриотическая проза.*

Сорокина Татьяна Евгеньевна – канд. филос. наук, доцент кафедры литературы и МП Педагогического института Южного федерального университета
Тел.: 8 (863) 219-82-49
E-mail: tasor74@yandex.ru

Захар Прилепин, получивший широкую известность после публикации романа «Патологии», один из самых читаемых писателей в современной России и, пожалуй, самый значимый из тех литераторов, чей возраст не превышает сорока лет. На первый взгляд, причастность Прилепина к историософской проблематике под вопросом. «Журналист, глава нижегородских нацболов и в прошлом – боец Дзержинского ОМОНа Захар Прилепин, кажется, вполне сознательно отвлекся не только от своего политического бэкграунда, но и вовсе от мира больших идей. Прилепин хотел написать книгу о нормальном человеке на ненормальной войне. И это у него вполне получилось», – пишет Н. Курчатова, подчеркивая стремление автора избежать идеологизации повествования [Курчатова, 2005]. Об этом же размышляет В. Бондаренко: «Чеченская война родила своего прозаика спустя пять лет после его возвращения из солдатских окопов. Страшный роман “Патологии” Захара Прилепина. Страшный своим реальным знанием войны. Я бы его, не задумываясь, поставил в один ряд с ранней фронтовой прозой Юрия Бондарева и Василя Быкова, Константина Воробьева и Виктора Астафьева. (...) Роман не идеологичен. В нем нет ни анализа причин войны, ни тех или иных инициаторов её, дельцов, заинтересованных в войне и с той, и с другой стороны. Всё страшнее. Реальнее и проще. Воюют наши и не наши. Гибнут наши и не наши. А в период между боями ходят на рынок,

где у чеченок же и покупают питье и продукты» [Бондаренко]. Роман «Санька» ближе к политике, но и в нем критики, например, С. Беляков, обнаруживают отсутствие историософской программы, которая без труда открывается в произведениях Проханова или Крусанова: «А вот в чем, собственно, состоит идеология “Союза созидателей”, понять сложно. Чего хотят Саша (Санька) и его друзья-“эсэсовцы”? Каковы их идеалы? Честно говоря, прочтя роман Захара Прилепина, я их так и не понял. “Эсэсовцы” не любят безжалостную и циничную власть? Несомненно. Им неприятен буржуазный мир, общество потребления им кажется пошлым? Да, наверное. Но этого мало (...). У “эсэсовцев” нет прошлого, но у них нет и будущего. “Союз созидателей” назван так словно в насмешку. Ничем хоть сколько-нибудь напоминающим созидательную деятельность “эсэсовцы” не занимаются. У них нет пусть даже самого приблизительного, самого утопического плана на будущее» [Беляков].

С одной стороны, в прозе З. Прилепина нет партийности как идеологической программы, отсутствует историософия как востребованная героями и автором речь, способная заметно увеличить объем текста. Прилепинские рассказчики и повествователи никогда не стремятся к публицистичности своего дискурса. С другой стороны, в «Патологиях» и «Саньке», самых известных произведениях Прилепина, есть то, что можно назвать «историософией поступка»: картина исторического мира формируется не столько в речах, сколько в изображенных событиях. «К несомненным достоинствам романа Прилепина я бы отнес, во-первых, его претензии – вполне обоснованные – на возвращение русскому роману традиционного статуса события не только, а в данном случае не столько эстетического, сколько общественного. И во-вторых, его попытку – в целом удавшуюся – ввести в литературу новый социально-психологический тип. Тип современного революционера», – пишет С. Костырко [Костырко].

О значении события рассуждает и сам Прилепин: «Безусловно, любая война и любая революция, любые кровавые события – чудовищны. Страшны любые жертвы, даже самые малые. Но они – неизбежны в нашем мире. Нравственное отношение к ним в принципе невозможно заранее определить. Нравственно относиться к войне и революции – это то же самое, что попытаться как-то относиться к природе, к цунами, к извержению вулкана. Это данность, с которой не поспоришь. Мы с этим ничего поделать не сможем, надо это понимать [России нужны герои]. Изображение жестокой событийности, имеющей отношение к историческому процессу, – один полюс прилепинской прозы. Второй полюс – нравственное, характерологическое преодоление пессимизма, который мог бы появиться как реакция на страдания и смерти. Но практически все критики, пишущие о Прилепине, отмечают любовь к жизни и отсутствие депрессивности, отличающей многие современные тексты. «Да, сегодня, в эпоху депрессивной литературы, эта бьющая через край радость жизни, это ощущение полноты

бытия подкупают», – считает А. Латынина [Латынина]. Она же стремится определить причины возрастающей популярности писателя: «... Нацболовец Прилепин угодил почти всем: Басинскому – реализмом, Владимиру Бондаренко – демонстративным антилиберализмом, новой партийностью и державностью» («Завтра», 2006, № 21). Леворадикальным противникам режима – героям-бунтарям, ненавидящим общество потребления с его свободной инициативой и социальным расслоением. Либеральным противникам всех и всяческих революций – тем, что этот герой обречен, что никакой революции эти озлобленные пацаны, громящие магазинные витрины и сладострастно сжигающие чужие машины, совершить не могут [Латынина]. Возможно, причина этой популярности как раз в том, что писатель и его герои отличаются редким жизнелюбием. Защитой жизни объясняет свои революционные действия главный герой романа «Санька», а не страстью к политике или влечением к борьбе за власть.

Захара Прилепина читают в разных идеологических лагерях, но это не значит, что сам он относится к политике индифферентно. С либерализмом, американизмом, европоцентризмом Прилепин находится в жесткой полемике: «Россия – это империя, и иначе она не существовала, и существовать не может. Это доказала прежде всего русская литература, и Достоевский, и Толстой, и Чехов, и Бунин. Нынешние антиимперские литературные либералы либо никогда не читали ни Пушкина, ни Лермонтова, ни Хлебникова, либо делают вид, что ничего имперского в них не увидели. Вся наша литература со «Слова о полку Игореве» до Юрия Кузнецова наполнена сверхимперским мироощущением. Все творчество Льва Толстого, что бы он ни писал в своей поздней публицистике, – державно» [России нужны герои].

Человек – главная проблема прозы Прилепина. На первый взгляд, герои «Патологий» и «Саньки» заметно отличаются друг от друга. В первом романе практически нет общих рассуждений о судьбе России, о сознательном отношении человека к своей судьбе. Во втором произведении такие рассуждения есть. В «Патологиях» герой принципиально беспартиен, его интересует война, проблема выживания и мирная жизнь. Изображение партийности как формы организации чувств и мыслей занимает важное место в «Саньке». Первый роман показывает героя участником войны, которую ведет государство. «Санька» – роман об антигосударственных действиях главного персонажа. Егор Ташевский из «Патологий» видит перед собой совершенно конкретного врага – вооруженного человека, способного убить тебя. Саша Тишин готов считать врагами всех, смирившихся перед современной государственностью, и саму систему, сделавшую такое государство возможным.

Объединяет героев авторское желание показать нормальность их экстремальных поступков. Явление этой нормальности – мужской характер, который в одном произведении проверяется военной драмой, в другом – отношением к несправедливому миру. Создается ощущение

ние, что в романе «Патологии» принят специальный запрет на историко-философские речи, на риторику, к которой у героя нет никакого доверия. Нет политики, отсутствует и публицистика. Нет концептов «Россия», «Чечня», «враги России», акцент сделан на испытании, которое надо выдержать, чтобы остаться человеком. Вопрос о праведном или несправедливом характере войны не поднимается. Война воспринимается как место, которое невозможно покинуть. Не важно, кто ее начал. Нет смысла много думать о тех, в кого приходится стрелять. Важен и инстинкт выживания. Но не менее значительно стремление выстоять. Поэтому события войны воспринимаются не абсурдным сознанием, а сознанием, воспринимающим войну как событие личного становления. При этом никакого пафоса в комментариях к собственной судьбе не возникает. Война не терпит философии, нет и этики милосердия. Нет и веры. «Ни одной молитвы не знаю», – без печали констатирует герой. Основное чувство – победа над страхом. Победившие образуют братство, и его образ особенно важен для автора. Нет и специально подчеркнутой критики системы. Нет и романтизации военной машины: чем выше командир, тем дальше он от правды; не забывается до конца романа и образ восьмидесяти шести убитых солдат, которых «подставили».

И Саша – герой инстинкта, контекст его судьбы также отличается напряженностью, но герой «Саньки» сам выбирает свою судьбу. Если с войны героя увезут в условленный час, то Тишин остается в своей революции до конца. О связи двух романов пишет В. Яранцев: «"Санька" это "анти-Обломов"». Как герой И. Гончарова непредставим без дивана, так и герой З. Прилепина невозможен без твердо сжатого кулака, куса арматуры в столкновении с милицией или "ПМ" при мщении врагам. Бойцы за идею, осуществляющие планы уничтожения представителей власти, Саша и его соратники пришли не из времен Достоевского и Бориса Савинкова, а из предыдущего романа. Только человек-«патология», убивающий «чичей», замышляя убийство неправедного судьи из Риги, может, не думая, рассудить: «Его ведь убить надо...» [Яранцев]. «Прилепинские герои не смешны, потому что они настоящие и в поступках своих руководствуются чувством настоящего», – пишет В. Иванченко [Иванченко]. Воля становится событием романа.

О природе прилепинского героя с иронией рассуждает С. Лурье: «Партийная организация требует партийной литературы. С положительным героем, воплотившим передовой идеал. Немножко хулиган, немножко грабитель, немножко убийца – но только с чужими. С которыми не славно делить власть – перевернуть детскую коляску, разбить витрину или кому-нибудь голову. Есть, конечно, и отрицательный персонаж. Либерал. Не то чтобы по убеждениям, а так: позволяет себе свысока иронизировать. Естественно, обречен. И на последней странице положительный выбрасывает его из окна. Согласно канону соцреализма» [Лурье]. Но сам Прилепин отнюдь не соцреализмом

объясняет обращение к героям «Патологий» и «Саньки»: «Литературе необходим сильный, упрямый, лобастый герой. Который чувствует себя твердо на земле, и чувствует небо над головой. Я пытаюсь нащупать такого героя, наперекор всему. Нас перенасытили увечными людьми. А ведь разрушение человека и разрушение державы связано напрямую» [России нужны герои].

Важное место в системе персонажей романа «Санька» занимает герой по прозвищу Негатив. Мотивы его характера и отношения к жизни обозначены кратко, но вместе с тем достаточно объемно в психологическом плане: «вечное недовольство всем», «разумен и жесток в поведении», «прозрачное, не показное мужество», «не боялся быть избитым», «равнодушно относился к угрозам», «был надежный, как булыжник». «Саша вдруг понял, что в характере Негатива было самым главным: врожденное чувство внутреннего достоинства. А потом, быть может, случайно, в их кодекс нормальных, неделимых пацанских понятий вошло такое слово, как “Родина” Это все и решило», – это еще одно авторское подтверждение нормальности персонажа, который ведет себя «не как все» [Прилепин. Санька, с. 236].

Нормальность несогласия с современной системой российской жизни, возможно, основной мотив романа «Санька». Никаких комплексов по поводу своей особенной судьбы герой не испытывает: «Саша давно отвык ощущать стеснение по поводу своих, так сказать, политических пристрастий. (На самом деле, это никогда и не было политикой, но сразу стало тем, наверное, единственным смыслом, что составил Сашину жизнь.)» [Там же, с. 68]; «Саша никогда не мучился самокопанием», – важные слова о самооценке героя. Автор ищет лаконичные фразы, способные представить и оправдать «экстремистское» миропонимание героя: «Мы не просим. Я не прошу. Я русский. Этого достаточно. Мне не надо никакой идеи» [Там же, с. 71]; «Бог есть. Без отца плохо. Мать добра и дорога. Родина одна» [Там же, с. 114]; «Мы – безотцовщина в поисках того, чему нужны как сыновья» [Там же, с. 145].

Есть Родина, которая порабощена. Есть современная система жизни, Родину поработившая. Необходимо действовать так, чтобы оккупация завершилась. Такова логика сознания главного героя романа «Санька». «Гадкое, нечестное и неумное государство, умерщвляющее слабых, давшее свободу подлым и пошлым, – отчего было терпеть его? К чему было жить в нем, ежеминутно предающим самое себя и каждого своего гражданина?», – задает главный герой риторический вопрос [Там же, с. 114]. Внешне парадоксальное сочетание презрения к миру и жажды его улучшения неоднократно подчеркивается в тексте: «Здесь были девушки, в лицах которых невероятным образом сочетались брезгливость к окружающему миру и возвышенные чувства по отношению к тому же самому миру. Как ни странно, это было органично» [Там же, с. 147]. Автор часто обращается к эпической модели личности, противопоставляющей себя времени – собирательному

образу врага: «Они взялись держать ответ за всех — в то время, когда это стало дурным тоном: отвечать за кого-то помимо самого себя» [Там же, с. 148]. Героем Прилепина становится молодой человек, независимый от искушений современности: его не волнуют деньги, житейские удобства, новые развлечения и защищенность. Герой специально идет на риск. На протяжении всего романа Саша действует вопреки логике самосохранения. В экстремальной ситуации герой чувствует себя самым собой. Значительно сложнее герою находиться в контексте обыденности: «Надо устраиваться на работу, думал. Совсем нет денег. Надо куда-то устроиться. Гребаная страна, и в ней надо устроиться куда-то. Мести двор, мешать раствор, носить горшки, таскать тюки и вечером смотреть в телевизор, где эти мерзейшие твари кривляются, рассказывая, как они заботятся о тебе» [Там же, с. 256]. Обыденность способна сформировать собирательный образ врага: «Он шел по городу, чувствуя, что улицы и площади ненавидят его. Как будто Сашу пытаются выдвинуть из этих скучных и обидчивых пространств. И злой, ощеривающийся энергии, пульсирующей внутри, уже не хватало Саше, чтобы противостоять. Город был слишком велик» [Там же, с. 303].

Никаких иллюзий по поводу возможной победы «союзников» в романе нет. «Саша, у нас нет ни одного шанса. Но разве это имеет значение?», — высказывает Матвей очень важную мысль о значении действия независимо от социального результата [Там же, с. 313]. Значительнее «апокалиптические» пророчества в устах деревенского старика: «И говорю вам: скоро побежите все, как поймете, что от вас устали. Но бежать будет некуда: все умерли, кто мог приютить. В сердцах ваших все умерли, и приюта не будет никому. (...) Вы там в церкву, говорят, все ходите. Думаете, что, натоптав следов до храма, покроете пустоту в сердце. Люди надеются, что Бога приручили, свечек ему поставив. Думают, обманули его (...) Нету выхода вам больше, так» [Там же, с. 319–320]. В пространстве образа мрачного будущего происходит и становление защитного, естественного для Прилепина национализма — не как агрессивной идеологии, а как системы защиты: «Партия говорит нам: русским должны все, русские не должны никому. Также партия говорит нам: русским должны все, русские должны только себе. Мы хотим вернуть только то, что мы себе должны: родину. Вперед» [Там же, с. 331]. Отречение главного героя от не устраивающей его власти риторически оформляется несколько раз. В словах, обращенных к Безлетову: «Смысл в том, чтобы знать, за что умереть. А ты даже не знаешь, зачем живешь. (...) Такие, как ты, спасаются, поедая Россию, а такие, как я — поедая собственную душу. Россию питают души ее сыновей — ими она живет. Не праведниками живет, а проклятыми. Я ее сын, пусть и проклятый. А ты — приبلуда поганая» [Там же, с. 363]. И в более масштабном обращении: «Я, Саша Тишин, считаю вас подонками и предателями! Считаю власть, которой вы слу-

жите, – мерзкой и гадкой! Вижу в вас гной, и черви в ушах кипят! Все! Идите вон!» [Там же, с. 366].

Классикой художественной историософии являются романы Достоевского, Толстого, «Пирамида» Л.М. Леонова. Особую роль в них играют диалоги, в которых происходит становление основных историософских мотивов. Один из ключевых диалогов романа «Санька» – беседа Саши с Безлетовым и его старшим товарищем. Этот разговор происходит после возвращения Саши из Риги, где ему так и не удалось стать палачем судьбы, расстрелянного кем-то другим. Саша возвращается домой, и его внутреннее состояние не имеет ничего общего с оптимизмом. Прилепин подчеркивает, что город воспринимается героем как чуждое, захваченное пространство, в котором нельзя ощутить себя дома, в безопасности. Снова возникает амбивалентная ситуация: Россия – дом, он нуждается в защите, но в данный момент дом находится в руках чужих, поэтому нет денег, нет работы, и самое главное – нет ощущения «своей страны». Ряд возможных дел – «мести двор, мешать раствор, носить горшки, таскать тюки и вечером смотреть телевизор» – оказывается рядом безнадежных поступков, не имеющих никакого отношения к простой правде, столь дорогой для Саши. Телевизор – символ захвата, не ограниченного социально-политическим контекстом. Лица, транслируемые телевизионным монитором, напоминают герою о «личинах», о «злых тварях», призванных глумиться над поработанным человеком. Несколько позже, уже в ходе разговора Безлетов попытается подвести Сашу к идее нормальности и закономерности телевизора, к его уместности в квартире россиянина. «Бесы», – парирует Саша, и в этой оценке привычного для каждой семьи явления можно увидеть границу конфликта, возможно, его основной смысл. Речь идет о «нормальности». Она – в простом желании жить, создавать для себя материальные ценности, ходить на работу, что-то критиковать, с чем-то соглашаться. «Нормальность» – в отсутствии экстремизма, в умении найти компромисс и согласиться с тем, что есть некая доминирующая линия, против которой совершенно бесполезно выступать, потому что линия непобедима в своей сверхчеловеческой сути. По Безлетову, человек может быть правым или левым, но он должен быть структурированным в своей деятельности, обязан иметь какую-то ясную, партийную цель, определяющую движение жизни. По Безлетову, который, как отметил Саша, перестал быть преподавателем института и стал советником губернатора в администрации, важна не «историософия», а собственная судьба, которую следует сверить с основным историческим курсом и приспособить к нему. Приспособить, хотя бы ради выживания. Саша тоже не специалист в области «историософии», но для него нет актуальности в «серединном пути», столь важном для бывшего вузовского работника. Автор не обращается к понятию стиля, слишком эстетическому в мире его героя, но, на наш взгляд, именно стиль отличает Сашу и его соратников. Стиль противопоставлен цели и даже свободен от нее.

Безлетовская концепция – выживание с целью спасения самого себя. Сашина задача – оздоровление страны с возможным и допустимым принесением себя в жертву. Безлетов не обращается к будущему, он видит, что в настоящем можно сохраниться, а что будет дальше, не имеет значения для текущего момента. Саша мало говорит о будущем, но он видит его, оценивает грядущее как антирусское время, которое набирает силу именно сейчас. Поэтому там, где Безлетов видит жизнь, Саша видит смерть, замаскированную под образы, вроде бы соответствующие жизни.

Романные диалоги убедили не всех критиков. «Безотцовщина – истинная правда, без разницы – при мертвых отцах или живых, известных или неизвестных. В поиски верится меньше и у Прилепина, и у многих других молодых: их герои ничего не ищут, ни в чем не сомневаются и ведут себя так, как будто все уже нашли. Может быть, поэтому такое грустное впечатление на общем фоне романа «Санькя» производят страницы «идеологических» споров, выписанных по традиционному романному канону. Оппоненты главного героя, как правило старшие по возрасту, говорят длинными, путаными монологами, призванными, видимо, продемонстрировать полную несостоятельность каждого из них, молодой радикал Саша Тишин всегда кроет их мелкую масть козырями – или, откровенно скучая, не слушает собеседника, или изрекает очередной лозунг. Какой уж тут диалог и какой уж тут спор, в котором что-то должно бы родиться...», – пишет О. Лебедушкина [Лебедушкина].

Безлетов упрекает Сашу и его товарищей в юродстве. Этого слова в беседе не появляется, но сам образ – на первом плане. «Ваше мужество – это мужество шута, который поначалу честно думает, что его не накажут, а потом удивляется, что наказали, и продолжает шутство уже из мазохизма», – определяет тип деятельности Безлетов [Прилепин, «Санькя», с. 261]. Безлетов не понимает целей Саши, и в его речи появляется экспрессия, свидетельствующая о нарастающей истерике, выдающей недовольство собой. Саша говорит о «чувстве справедливости» и «чувстве собственного достоинства», но для Безлетова это понятия, не подлежащие идентификации в обычной обстановке. Обыденность требует смирения, согласия с тем, что «большой истории» как бы и нет, а, значит, и нет ответственности за каждый шаг. Если все смотрят телевизор, следовательно, и каждый имеет право на это, не задумываясь, кто в телевизоре – «лица» или «бесы». Сашина психология, отвергающая обыденность как предательство перед «справедливостью», возможно, и понятна Безлетову, но принять ее не представляется возможным, ведь тогда надо перестраивать всю свою жизнь, хотя бы уйти из администрации.

Саша говорит о том, что в России «революции требует всё». Это очень важные слова. Именно в их контексте имеет смысл позиция Саши и не имеет смысла позиция Безлетова. Он пытается показать Саше инфантилизм его устремлений, «детский» характер комплексов

и травм. «Человек – сплошная травма», – парирует Саша, и вновь появляется мотив трагической человечности. Этот мотив не превращается в устойчивую концепцию, остается скорее настроением, но он очень важен, так как Саша выражает готовность принять трагедию и отразить ее в собственном поведении. Для Безлетова происходящее ближе к фарсу, а логика фарса подсказывает формы самоустранения, неучастия в гротескных событиях. Для Саши происходящее в России именно трагедия, и это позволяет Прилепину возвысить «экстремистского героя», мотивировав его присутствие реальностью катастрофы, от которой стандартный человек пытается отмахнуться, исключив ее из сознания. «Революция приходит, когда истончаются все истины», – заявляет Саша. Это показывает, что для него революция – всегда. По Безлетову, истины не могут истончиться полностью, потому что остается «я», которое хочет комфортного существования, продолжающейся жизни, наконец. Спор Безлетова и Саши касается проблемы историософского выбора, но он проходит все-таки на более значимом, на онтологическом уровне, так как имеет отношение к проблеме самого человека, определения его сущности. Безлетов пытается схематизировать ту жизнь, которую видит в Саше, называет ее «фашизмом», но читатель в рамках этой сцены понимает, что правда не на стороне работника администрации. Безлетов – либерал, но это не политическая, а сущностная, бытийная (в восприятии Прилепина) ориентация. Саша определяет либерализм как адаптацию к жизни, избравшей неверный путь: «Если соскоблить всю шелуху, в России он выглядит как идея стяжательства и ростовщичества, замешанная с пресловутой свободой выбора, от которой, впрочем, вы легко отказываетесь во имя сохранения, так сказать, экономической составляющей либеральной идеи» [Там же, с. 264].

Появление Аркадия Сергеевича, подключившегося к беседе, не меняет ее тональности и развития. Идея смирения с «настоящим временем» в речи Аркадия Сергеевича становится еще очевиднее, несмотря на то что он пытается показать себя дальним, стратегическим, так сказать, соратником Саши. «Труха вы гнилая», – делает вывод Саша, расставаясь с собеседниками и с их пониманием жизни как осторожного, терпеливого ожидания. Саша идет навстречу энтропии, веря в то, что хаос может быть целительным и более нравственным, чем власть, представленная его собеседниками. Именно на фоне Безлетова жизнь Саши приобретает особый смысл – даже не в поставленной задаче, а в отказе от безлетовского нежелания стремиться к правде: «И никаким Безлетовым этого бреда, патологии, ставшей реальностью, не прекратить. Преподаватель философии, старший друг и собеседник Саши, этот опять же точно схваченный семантикой фамилии, персонаж – типичный антигерой нашего времени. Убедив себя, что «России уже нет», что «здесь пустое место. Здесь нет даже почвы... И государства нет», он пытается убедить в этом и Сашу. Антипод «Саньки», он в то же время и его близнец, циник, вооруженный мыслью, а не кулаком

или пистолетом, разновидность человека-«патологии». Он вещает, что «Россия должна уйти в ментальное измерение», переделывать ее – наивная и преступная фантазия», – пишет В. Яранцев [Яранцев].

В критике иногда звучат слова об особой метафизичности прилепинских текстов, об их психологической, а не социальной силе. «В пути своего внутреннего поиска повествователь доходит до серьезных метафизических обобщений, почти прозрений – исподволь он как бы прорывается в другой пласт реальности», – пишет К. Орлова о романе «Патологии». «Роман молодого писателя нельзя назвать агитационным и пропагандистским, так как вместо необходимого для этого воспевания воинского подвига в нем изображается один только бесконечный страх этих оказавшихся в кровавой каше войны мальчишек», – считает Н. Переяслов [Переяслов]. Этот аспект несомненно важен для Прилепина. Но еще важнее влияние текста на «коллективный разум»: «У меня есть идеалистическая, наивная вера в коллективный разум народа. Это единственное, на что мы можем сегодня опереться. Потому что никакие радикалы не могут ничего изменить в стране, где самосознание нации построено на принципах самоуничтожения. Этому может противостоять только коллективный дух. Недаром власть сегодня активно использует патриотическую риторику – власть вынуждена ведь жить в соответствии с запросами общества. И этот патриотический дух нации начинает влиять на власть, вести ее» [Архангельский].

Таким образом, внимание к отдельной судьбе, к частному сознанию не приводит к превращению сюжета в «личную историю». Одна судьба приобретает символический характер, но всегда в пределах реализма. В романе «Санька» – один главный герой, одна повествовательная линия, но по охвату сегодняшней жизни в России это редкий пример настоящего романного масштаба у писателей так называемого поколения тридцатилетних.

Литература

Архангельский А. Слова с приставкой «не» // URL:<http://zaharprilepin.ru/ru/prensa/intervyu/ogonek.html>

Беляков С. Заговор обреченных, или Захар Прилепин как зеркало несостоявшейся русской революции // Новый мир. 2006. № 10; http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2006/10/bel5.html

Бондаренко В. Иди и войю // <http://zaharprilepin.ru/ru/prensa/patologii/zavtra.html>

Иванченко В. Идеология инстинкта. // http://zaharprilepin.ru/ru/prensa/sankya/knizhnoe_obozrenie.html

Костырко С. По кругу // Новый мир, 2006, № 10; [http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2006/10/ко_16.html](http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2006/10/ko_16.html)

Курчатова Н. Захар Прилепин. Патологии // Критическая масса. 2005. № 2; <http://magazines.russ.ru/km/2005/2/ku24.html>

Латынина А. «Вижу сплошное счастье...» // Новый мир. 2007. № 12;
http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2007/12/lal1.html

Лебедушкина О. Реалисты-романтики // Дружба народов, 2006, №11.
<http://magazines.russ.ru/druzhba/2006/11/le13.html>

Лурье С. Захар Прилепин. Санья: роман. М., 2006 // <http://zaharprilepin.ru/ru/prensa/sankya/zvezda.html>

Переяслов Н. Лицом к лицу с войной. URL: <http://zaharprilepin.ru/ru/prensa/patologii/rossiisky-pisatel-2.html>

Прилепин З. Патологии. М., 2008.

Прилепин З. Санья. М., 2008.

России нужны герои. С Захаром Прилепиным беседует Владимир Бондаренко. URL: <http://zaharprilepin.ru/ru/prensa/intervyu/zavtra.html>

Сенчин Р. И вновь продолжается бой. URL: http://zaharprilepin.ru/ru/prensa/sankya/literaturnaya_rossiya.html

Яранцев В. Тернии греха. О прозе Захара Прилепина // Сибирские огни. 2008. № 11; URL: <http://magazines.russ.ru/sib/2008/11/iar15.html>